

V. ИДЕОЛОГИЯ

Александр Зиновьев. О марксизме

Марксистское учение разделяется на две части: 1) философскую, включающую теорию познания и диалектику как учение об общих законах бытия — диалектический материализм; 2) социальную, включающую учение об обществе (исторический материализм) и о коммунизме («научный коммунизм»). Свою жизненную задачу я видел в том, чтобы, во-первых, осуществить критический анализ марксизма и, во-вторых, не просто отбросить его, а преодолеть, построив свое учение такого же и даже большего по объему тем масштаба, более высокого интеллектуального уровня и более адекватного современным условиям жизни человечества.

Если включить в число необходимых признаков научности следование правилам логики, то ненаучность первой части марксизма (т. е. философии) мне стала более или менее ясной уже в самом начале моего пути в науке. Подозрение на этот счет у меня зародилось уже в школе после того, как я прочитал некоторые сочинения Энгельса. Из них я узнал, например, что примерами диалектического закона единства и борьбы противоположностей являются буржуазия и пролетариат в сфере социальных явлений и плюс и минус в сфере математики. Я сделал для себя вывод: марксистское учение по крайней мере отчасти есть словесное трюкачество. В университете я стал специализироваться по логике и еще более укрепился в своем подозрении. Я стал рассматривать марксистскую философию с точки зрения соответствия ее языка критериям логики. Например, я взял ленинское определение материи как объективной реальности, данной нам в ощущениях, и ленинское утверждение, что «материя» есть самое общее понятие, причем — наряду с понятием «сознание». Логическая несостоятельность такого рода языковых явлений мне была очевидна уже в студенческие годы. В самом деле, если понятие «материя» определяется через понятие «объективная реальность» как родовое понятие, то второе является более общим, чем первое, и первое не может быть самым общим. Если понятия «материя» и «сознание» являются самыми общими, то они совпадают по объему обозначаемых предметов, т. е. обозначают одно и то же. Проанализировав в таком духе марксистские тексты, я убедился в том, что основатели марксизма и их последователи являются невеждами в отношении логики.

Отказавшись от марксизма как от теоретического явления, я не отбросил ту философскую проблематику, которой занимались марксистские философы. Начав разрабатывать свою концепцию логики, я включил ее в сферу моего внимания как логика. Я стал рассматривать проблемы теории познания (гносеологии) и диалектики (онтологии) как проблемы логики (в моем ее понимании). Уже в 1954 году я закончил кандидатскую диссертацию, посвященную логическому аспекту «Капитала» Маркса. В ней я предпринял попытку представить диалектический

метод как совокупность логических операций. Диссертация была встречена враждебно официальной советской философией и оказалась фактически запретной для публикации и пользования без особого разрешения. Меня вытолкнули в сферу логики, причем — математической, — лишь бы я оставил в покое марксизм. Моей основной профессией стала логика. И я получил возможность разрабатывать свою логическую теорию, в которой я мог дать решение проблем философской части марксизма, удовлетворяющее критериям логики, простое, без лишней философской болтовни.

В логике я в конце концов пробился. Мои сочинения стали публиковать. Они стали издаваться на многих иностранных языках. Сложилась моя логическая школа, получившая мировую известность. Все это делалось вне марксизма и независимо от него. Более того, все делали вид, будто все это вообще не имеет никакого отношения к философии, включая философию марксизма. Я был разрешен к существованию в рамках философских учреждений, но в качестве немарксистского исключения. Это делалось в качестве уступки западному влиянию. Совсем иначе обстояло дело со второй частью марксизма, которая считалась главной.

Обстоятельства моей жизни складывались так, что я с первых же ее шагов вынужден был обращать внимание на вопиющее несоответствие между реальной жизнью, какую вел сам и наблюдал в своем окружении, и тем, как эта жизнь изображалась в газетах, журналах, книгах, лекциях, кино. Уже ко времени окончания школы (1939 г.) я установил для себя с абсолютной ясностью, что надо различать реальный мир человеческой жизни и мир слов (и вообще знаков, включая зрительные образы), который претендует на изображение мира реального. Я установил, что словесный мир лишь в ничтожной мере дает правдивую картину мира реального, а в общем и целом словесный мир искажает (фальсифицирует) мир реальный, причем — делает это не по невежеству, а по каким-то более серьезным причинам.

Я тогда еще не знал, по каким законам существует реальный мир и по каким мир словесный, — на познание их ушли многие годы жизни, учебы, размышлений, труда. Я стал за эти годы специалистом в логике и методологии науки, установил непригодность состояния современной логики для решения интересовавших меня проблем и разработал свою концепцию логики, принципиально отличную от принятых концепций. Одновременно я занимался своими исследованиями советского общества как классического образца общества коммунистического типа, а впоследствии — современного общества западного типа. Я установил для себя, что во всем гигантском океане слов, сказанных и написанных о них, невозможно найти даже мало-мальски разработанную социологическую теорию, удовлетворяющую критериям логики и методологии науки (в моем их понимании).

Мне приходилось изучать философские и социальные учения прошлого и современности. Но основным интеллектуальным материалом, от которого я отталкивался, был марксизм. Он был канонизированной идеологией Советского Союза. Моя профессиональная деятельность протекала в рамках советской философии, которая составляла фундаментальную часть советской (марксистско-ленинской) идеологии. Так что для описания моего отношения ко второй части марксизма необходимо рассмотреть предварительно отношение между наукой и идеологией.

Задача науки — поставлять обществу знания, разрабатывать методы получения и использования знаний. Употребляемые в науке понятия имеют тенденцию к ясности, определенности, однозначности. А формулируемые в науке утверждения по идее (и в тенденции) допускают возможность проверки, т. е. подтверждения, доказательства, опровержения. Идеология в отличие от науки конструируется из неопределенных, много смысленных языковых выражений, предполагающих некое истолкование. Утверждения идеологии нельзя доказать и подтвердить экспериментально и нельзя опровергнуть — они бессмысленны. Задача идеологии — не открытие новых истин о природе, обществе или человеке, а организация общественного сознания.

ния, управление людьми путем приведения их сознания к некоторому установленному общественному образцу. Идеология может начаться с претензий на то, чтобы быть наукой. Но, став идеологией, она теряет все основные признаки науки. Идеология может заимствовать из науки ее понятия и утверждения. Но, став элементами идеологии, последние теряют характер элементов науки, становятся неопределенными и непроверяемыми. В рамках идеологии могут высказываться научные идеи, суждения, гипотезы. Но они не определяют общую ситуацию в идеологии. Лица, высказывающие это, делают это не в качестве идеологов, а в качестве ученых, волею обстоятельств вовлеченных в идеологию.

Обратимся теперь к марксизму. Исторически он возник как претензия на научное понимание всего на свете. С такой претензией он существует и теперь. Он декларирует себя в качестве науки, причем в качестве высшей науки, самой научной науки. Специалисты по марксизму готовятся в университетах внешне так же, как специалисты для физики, химии, биологии, математики... Часто они готовятся вместе со специалистами для науки, в их среде, так что их различие обнаруживается лишь впоследствии, когда они начинают играть различные роли. Специалисты по марксизму получают ученые степени и звания, избираются в академии наук и т. д. И надо признать, что кое-что в рамках марксизма делается такое, что похоже на науку и что можно рассматривать с научной точки зрения. Однако в главном и целом марксизм (по крайней мере, в Советском Союзе) давно утратил признаки науки и превратился в идеологию в самом строгом смысле этого слова. Может быть, он являет теперь самый классический образец идеологии. Такова ирония истории. Марксисты до сих пор настаивают на том, что благодаря марксизму философия впервые стала наукой. Фактическое же положение прямо противоположно этому: именно с марксизмом и в марксизме философия впервые в истории стала ядром и составной частью идеологии. Когда казалось, что философия достигла максимума научности, она на самом деле отдалась от науки на максимально далекое расстояние.

Стремление марксизма выглядеть наукой объясняется комплексом причин как исторического, так и социально-структурного (имеются в виду действующие сейчас причины) порядка. Наука приобретала, а в наше время — приобрела, такое значение в жизни общества, что выступать не от имени науки было просто старомодно. Были иллюзии, будто земной рай можно обосновать научно. Марксизм возник в борьбе с религией и различными формами идеологии, связанными с нею, противопоставляя им научный взгляд на все происходящее в мире. Сама наука в то время имела такой вид, что провести четкое различие между нею и идеологией было невозможно. Это и сейчас еще не так просто сделать. В самых современных науках и сейчас всякого идеологического вздора появляется не меньше, чем в прошлые века.

Но главное, что определяет наукообразный вид марксистской идеологии в сформировавшемся коммунистическом (советском) обществе, это — его фактическая роль в функционировании этого общества: роль средства управления массами людей, средства стандартизации их поведения, средства эксплуатации низших слоев населения высшими и т. д. Марксизм маскируется под науку, и благодаря этому легче изобразить сложившееся общество как высший и закономерный продукт объективных законов истории, изобразить деятельность руководства как деятельность от имени этих объективных законов, изобразить всякий корыстный интерес и идиотизм руководства как гениальное научное предвидение и т. д. и т. п. Первые годы (и даже десятилетия) существования советского общества для некоторой части населения (для большой и активной) марксизм играл роль, подобную религии. Была вера в его постулаты и лозунги. Он владел душами этих людей. Но постепенно эта вера испарилась (особенно после Второй мировой войны). И марксистская идеология, естественно, стала еще более интенсивно привлекать себе в сообщники науку, прикидываясь другом и покровителем науки и, само собой разумеется, высшей наукой. Одним насилием идеологию не навяжешь достаточно прочно.

Веры нет. А в наш век научного безумия было бы непростительной глупостью для господствующей государственной идеологии не идти в ногу со временем.

Тот факт, что марксизм по своему текстуальному виду не есть наука, можно установить путем логического анализа всех его понятий и утверждений, начиная с понятия материи и кончая понятием коммунизма. Обратимся с этой точки зрения ко второй (главной) части марксизма. Прежде всего рассмотрим самую фундаментальную идею марксистского учения об обществе — материалистическое понимание истории. Оно считается распространением философского материализма на человеческое общество. Если строго придерживаться именно философского материализма, то самое большее, что должно было дать его распространение на сферу человеческой истории, это рассмотрение человеческого общества и истории человечества как объективной реальности, существующей вне сознания теоретиков и независимо от него, и рассмотрение сочинений этих теоретиков как отражения этой реальности. Но такой материалистический подход был обычным делом почти для всех, кто думал на темы истории и человеческого общества. Это было всеобщей банальностью. Марксизм сделал нечто большее, чем признание этой банальности: он явления самой человеческой истории разделил на материальные и идеальные, что ровным счетом ничего общего не имеет с философским материализмом.

В основе марксистской социальной доктрины лежит понятие способа производства. В этом, собственно говоря, и усматривается материализм: способ производства считается базисом общества, на котором возвышаются все «надстройки», включая государственные учреждения. При этом игнорируется начисто тот факт, что ничего идеального в государственных учреждениях (армия, полиция, тюрьмы) нет и что в способе производства «идеальных» явлений не меньше, чем в надстроечных. В способе производства различаются производительные силы (средства производства и приводящие их в действие люди) и производственные отношения (отношения между людьми в процессе производства). Примат при этом отдается первым. А между тем были и есть общества, в понимании которых этот принцип просто ошибочен фактически.

Главным признаком производственных отношений считается отношение собственности, конкретнее говоря — чьей собственностью являются средства производства. Главным признаком производственных отношений капитализма, например, является то, что средства производства суть частная собственность капиталистов, а главным признаком производственных отношений коммунизма является общественная собственность на средства производства. Почему, спрашивается, отношения собственности, а не какие-то иные? Почему не отношения между рабочими на заводах, не отношения начальства и рабочих, не отношения между руководителями и подчиненными, не отношения между различными частными собственниками? А отношения между людьми в учреждениях, занятых в сфере управления, культуры, спорта и т. п., имеются среди них производственные отношения в марксистском понимании вообще или нет? Какие именно? Эти вопросы можно умножить. Но не ищите разумного ответа в марксистском учении об обществе. Собственность как главный признак производственных отношений здесь выделена с определенной идеологической целью: дать «обоснование» тому, что частная собственность есть источник всех зол, что достаточно уничтожить ее, как наступит рай земной. Кстати сказать, не марксизм изобрел эту идею. Вспомните Томаса Мора. Вспомните хотя бы Прудона.

Но отношения собственности суть совсем иной аспект рассмотрения общества, чем аспект производства материальных благ. Собственность есть отношение правовое, и согласно самим же марксистским критериям должно быть отнесено к явлениям «надстройки», а не «базиса» общества. По самому определению понятий, вещь по праву (а не по обычаю или в силу захвата) есть собственность индивида или группы индивидов, если и только если имеется дру-

гой индивид или группа индивидов в рамках данной человеческой общности, собственностью которого (или которых) эта вещь не является. Если общество в целом владеет средствами производства, то понятие собственности просто неприменимо к этому случаю. Собственность есть лишь частный случай владения. В коммунистическом обществе имеют место определенные формы владения. А отношения собственности здесь играют крайне ничтожную роль. Даже феодальные отношения лишь отчасти подпадают под понятие собственности. Отношение рабства не всегда есть отношение собственности. Тем более с понятием собственности не поймешь разнообразные формы общества, которые марксизм свалил в кучу под одним именем первобытно-общинного строя.

Согласно марксистскому учению, общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Первые суть производственные отношения, экономическая структура общества. Вторые суть государство и право, такие формы общественного сознания, как мораль, религия, философия, искусство, а также политическая и правовая форма сознания. Идеологические отношения суть лишь надстройка над материальными. Каждому базису соответствует своя надстройка. Со сменой базиса меняется и надстройка. Теперь припомним, что нужно для того, чтобы какое-то явление считать материальным. Это — быть вне сознания людей, производить в нас ощущения (материя — объективная реальность, данная нам в ощущениях). А что такое государство? Тюрьмы, армия, полиция, милиция, чиновничий аппарат, — что это? Только плод воображения или нечто, существующее вовне и производящее весьма заметные ощущения в нас? А отношения людей в этих учреждениях, что это такое? Разве мы их не воспринимаем как нечто, происходящее вне нас? И чем с этой точки зрения производственные отношения материальнее? Если это отношения собственности, то они в области права, т. е. в надстройке. А если это экономические отношения, то они лишь варианты зримых отношений людей наряду с такими же зримыми политическими и прочими. Принцип материализма тут совсем ни при чем. Остается лишь одно: экономические отношения общества определяют собою все прочие, являются базисом для них. Но что такое экономические отношения? Получается типичная тавтология: это такие отношения, которые определяют собою все отношения данного общества. Но тогда вопрос о том, какие именно отношения играют такую роль, остается открытым. И никакого основополагающего принципа не остается.

Обратимся к надстройке. Согласно марксистскому тезису, каждое общество имеет свой тип надстройки, соответствующий своему типу базиса. Например, свое государство, свое право, своя мораль, своя религия. Здесь смешивается опять-таки целый комплекс проблем. Сам факт объединения общим понятием «надстройка» таких разнородных явлений, как государство, право, мораль, искусство, политика, причем — как организаций и действий людей, так и идей, учений, теорий, сознания, — уже достаточно красноречиво говорит о том, что здесь имеет место схематизация квазинаучного сорта.

Согласно марксистскому учению об обществе, способ производства с присущими ему формами общественного сознания, с политическими, юридическими и прочими институтами, образует общественно-экономическую формацию. Насчитывается пять таких формаций: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая. Во времена Маркса последняя лишь проектировалась как формация, которая должна была прийти на смену капиталистической. В последовательной смене этих формаций усматривается некая историческая закономерность. Утверждается некий закон перехода от низших форм к высшим — закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил. При капитализме это соответствие нарушается: производительные силы становятся общественными, а присвоение остается частным. Присвоение должно быть приведено в соответствие с производительными силами, т. е. должна быть ликвидирована частная собственность на средства производства и установлена общественная.

Нужны многие тома, чтобы показать, сколько несуразностей заключено и сконцентрировано в этих казалось бы ясных и немногочисленных идеях. Остановлюсь на одной из них.

Марксистская схема эволюции общества с логической точки зрения создавалась так. В историческом процессе из разных его мест и эпох вырывались отдельные куски — типы обществ. Они отбирались по определенным критериям и располагались в умозрительный упорядоченный ряд. Этот ряд рассматривался как закономерные этапы развития общества («от низшего к высшему»). Само собой разумеется, коммунистическое общество при этом изображалось как высший продукт исторического развития, причем — не только как закономерный, но даже как необходимый. На самом же деле не существует никаких законов превращения одного типа общества в другой. Не существует, подобно тому как нет законов превращения мух в слонов, слонов в коров, кроликов во львов и удавов. В истории человечества распадаются одни человеческие объединения и возникают другие, которые создают, возможно, другой тип общества. Когда, например, рухнула Российская империя, на ее месте образовалась новая человеческая общность. Но сложилась она не по неким мистическим законам перехода от одной общественной формации к другой, более высокого уровня, а по законам складывания больших человеческих объединений в тех исторически данных условиях.

Марксистская теория общества была построена с идеологической целью — дать «обоснование» неизбежности коммунизма как идеального бесклассового общества. Для этой цели производственные отношения сведены к отношениям собственности. С частной собственностью связаны классы и классовая борьба. Уничтожим частную собственность — уничтожим классы. Построим бесклассовое общество. Вроде бы все ясно. Но что же такое классы? Теоретически любые предметы по сходным признакам можно «объединить» в классы. Но идеологию это, конечно, не устраивает. Если, например, мужчины образуют класс мужчин, а женщины — класс женщин, то построить бесклассовое общество немислимо. А тут нужно именно бесклассовое общество. Так что тут в качестве классов признаются только определенные явления: рабы и рабовладельцы, помещики и крестьяне, капиталисты и наемные рабочие. Конечно, если классы понимать так, то построить общество, в котором не будет классов, возможно. Оно фактически могло быть в Советском Союзе: крестьян рано или поздно превратили бы в рабочих, работающих за зарплату.

Но поставим вопрос так: возможно ли в коммунистическом обществе разделение людей по каким-то рубрикам (категориям, признакам), имеющее существенное значение для существования общества и образующее нечто аналогичное тому, против чего было направлено марксистское учение и что должно быть уничтожено? Будет ли там разделение на привилегированных и непривилегированных, на богатых и бедных, на власть имущих и безвластных, на свободных и несвободных? Что важнее — несущественные различия рабочих и крестьян или весьма ощутимые отношения начальства и подчиненных? Советские партийные и государственные чиновники, начиная с некоторого уровня, жили куда богаче, чем многие миллионеры. Они — слуги народа? Но различия все равно остаются. Суть дела не изменится, если в одном случае вы употребите слово «эксплуататор», а в другом — «слуга народа». А суть дела в том, что уничтожив одни социальные категории («классы» в марксистском понимании), вы освобождаете арену истории для других. Общество снова с необходимостью раскалывается на какие-то категории людей, между которыми развивается неравенство, вражда, отношения насилия. Если бы марксизм был на самом деле настоящей наукой, предвидеть это было бы для него несложно. Но он не захотел это предвидеть, — это не входило в его намерения как явления идеологического.

Обратимся к марксистскому учению о будущем коммунистическом обществе — к «научному коммунизму». Согласно советской идеологии, наука о коммунизме появилась задолго до того, как появилось в реальности само коммунистическое общество. Но фактическое положение

ние на самом деле было противоположно этому: реальное коммунистическое общество возникло в Советском Союзе и ряде других стран, а вот науки о нем не было. Коммунистическое общество мыслилось как реальное общество определенного типа, т. е. как эмпирическое (наблюдаемое) явление. И наука о нем могла быть только опытной наукой, исходящей из наблюдения конкретных фактов. А их не было. Если нет предмета для наблюдения, то не может быть и опытной науки о нем.

Но если даже рассматривать марксистский «научный коммунизм» как предсказание или как проект будущего общества, то и тут можно заметить игнорирование самых азов научного подхода к обществу. Например, игнорируется неизбежность дифференциации достаточно больших человеческих объединений на различные категории членов общества и социальные группы, занимающие различное положение в социальной иерархии, разделение общества на слои с различными условиями жизни, разнообразие видов деятельности социальных позиций людей, необходимость системы власти и управления и т. д. Рассмотрим несколько подробнее с этой точки зрения пресловутые признаки первой и второй (высшей) стадии коммунизма. Уже сам факт различения эволюционных уровней общества по типу распределения жизненных благ есть признак ненаучности подхода к социальным объектам.

В марксизме считается, будто в коммунистическом обществе на первой стадии действует принцип «От каждого по способности — каждому по труду», а на высшей стадии — принцип «От каждого по способности — каждому по потребности». Первая часть этих принципов якобы регулирует то, как члены общества отдают свои силы обществу, а вторая регулирует распределение жизненных благ. Эти принципы являются идеологическими пустышками. Они допускают различную интерпретацию. И при любой интерпретации они на самом деле не являются специфическими закономерностями реального коммунизма.

Рассмотрим первую часть этих принципов. Выражение «по способности» можно истолковать в житейском вульгарном смысле, будто каждый будет развивать все заложенные в нем способности, проявлять их и использовать. Ясно, что в таком смысле этот признак никогда не будет осуществлен хотя бы по следующим причинам. Не любые способности индивида приемлемы для окружающих индивидов и для общества в целом. Не любые способности представляют интерес. У индивида просто не хватит сил и времени развивать все его потенциальные способности, Индивид может вообще не догадываться о том, на что он способен. В большинстве случаев вообще невозможно установить заранее, какие способности заложены в данном индивиде. Как, например, установить, способен такой-то младенец к руководящей работе в партийном аппарате? И судьи кто?! Кто определяет наличие и отсутствие способностей?!

Но это выражение можно истолковать и иначе, например — так: 1) общество устанавливает, что считать способностями данного индивида в его данной социальной позиции; 2) в среднем и в тенденции индивиды, допущенные обществом к исполнению данных функций, исполняют их в меру своих средне-необходимых способностей. Этот принцип касается не потенциальных, а актуальных (реализующихся) способностей людей. Если подходить к проблеме способностей с массовой точки зрения, то потенциальные способности массы людей в данных условиях реализуются в их актуальных способностях, — последние суть показатель первых. Для отдельных людей тут может иметь место несовпадение. Однако и в отношении отдельных людей совершенно бездоказательны утверждения о их якобы загубленных талантах. О загубленных талантах есть смысл говорить лишь тогда, когда человек обнаружил свой талант заметным для окружающих образом и затем как-то потерял возможность его развивать далее и использовать (Мусоргский, Лермонтов, Есенин, Маяковский). Но это — исключения из общего правила. Как правило, подавляющее большинство людей средне-способно или средне-бездарно. В таком практически трезвом понимании этот принцип реализуется во всяком большом и сложном обществе, а не является спецификой коммунизма.

Конечно, от способностей зависит то, какое место в обществе занимают отдельные люди. Но этот фактор — не единственный, влияющий на судьбу этих людей. А когда речь идет о десятках и сотнях миллионов средне-посредственных людей в сложном обществе с разнообразными профессиями, социальными позициями, должностями, способами добывания средств существования и т. д., распределение людей по ячейкам общества, по должностям, по профессиям и прочим «точкам» приложения их сил осуществляется совсем по другим принципам. Природные же способности используются лишь как одно из средств занять наилучшее положение в жизни и урвать для себя как можно больше жизненных благ. При этом гораздо большую роль играют преимущества рождения в определенном слое и способности устраиваться и делать карьеру с самыми примитивными способностями. Бескорыстные служители истины и муз существуют как редкие исключения, в идеологических сказках, в воспоминаниях хапуг и карьеристов. Главными являются не способности как таковые, а возможности их реализовать и использовать для карьеры и обогащения.

Обратимся ко второй части рассматриваемых принципов. Допустим, вы решили педантично следовать принципу «Каждому — по труду» при вознаграждении работников за их деятельность. Если люди заняты одинаковой деятельностью, еще можно сравнивать их труд по их результатам. Но как быть, если люди заняты разнородной деятельностью, и сравнивать их труд по результатам деятельности оказывается невозможным? Как сравнить труд начальника и подчиненного? Имеется единственный общественно-значимый критерий сравнения труда в таких случаях: это — фактические социальные позиции людей. Средне-нормальное осуществление деловых функций человеком в данной его социальной позиции соответствует его труду, отдаваемому обществу. Практически принцип «каждому — по труду» реализуется как принцип «каждому — по его социальному положению». И реальные люди в реальном коммунистическом обществе прекрасно это понимают на своем опыте. Следствием действия этого принципа является ожесточеннейшая борьба миллионов людей за улучшение своей социальной позиции.

Кроме того, на этой основе развивается система коррупции и использования своего служебного положения в корыстных целях. Она фактически становится дополнительным средством распределения и перераспределения жизненных благ. В практической реализации для огромной массы людей рассматриваемый принцип распределения превращается в принцип «Каждый урывает для себя максимум того, что позволяет ему его социальное положение».

Выражение «по потребности» тоже допускает различные интерпретации, по крайней мере такие: 1) будет достигнуто изобилие жизненных благ; 2) любые потребности людей будут удовлетворены; 3) общество будет решать, что считать потребностью человека. Очевидно, что во втором смысле принцип «по потребности» никогда реализован не будет. Изобилие же — понятие относительное, исторически определенное. Тот жизненный уровень, который в прошлые века мыслился как изобилие, в Советском Союзе мы имели для огромного числа людей. Число людей, живших у нас по потребности, в этом «скромном» смысле было больше, чем все население России до революции. Тем не менее это не устранило неравенства, недовольства своим положением, зависть, жажду иметь больше. Я вообще считаю, что рост благосостояния населения стал одной из причин краха нашего русского коммунизма. Он усилил расслоение общества и материальное неравенство. Жажда иметь росла быстрее и сильнее, чем возможность ее удовлетворять. На этой основе возникло другое, чисто обывательское истолкование принципа «по потребности» — как удовлетворение желаний современных людей. А желания эти возросли настолько, что даже официальная идеология Советского Союза отодвинула исполнение этого принципа в неопределенное будущее. Советские люди уже представляли себе изобилие коммунизма по крайней мере в виде высокого жизненного уровня некоторых западных стран. Основатели учения марксистского коммунизма вряд ли подозревали о холодильниках и телевизорах как предметах первой необходимости, вряд ли думали, что автомобиль станет зауряд-

ным средством транспорта. Но советский обыватель уже не мыслил себе коммунизма без многокомнатной квартиры со всеми удобствами, без телевизора и холодильника, без личного автомобиля и без дачи.

Официальная идеология Советского Союза почувствовала опасность, которая кроется в таком истолковании весьма неосторожного заявления классиков марксизма, и стала говорить о разумных потребностях, контролируемых и регулируемых обществом. А это была лишь замаскированная форма выражения фактического положения вещей, а именно — того факта, что потребности человека в коммунистическом обществе определены возможностями их удовлетворения. Советская идеология невольно стала склоняться к третьему, к социологическому пониманию потребностей: не всякое желание человека есть потребность, а лишь такое, которое общество признает в качестве потребности этого человека. А это значит, что предполагается некоторый общезначимый уровень удовлетворения нужд человека на данном уровне его социальной иерархии, — т. е. некоторая норма потребления. Иметь по потребности — значит, иметь в рамках этой нормы, а иметь не по потребности — значит, превышать или не достигать нормы.

Реализация принципа «по потребности» не устраняет на деле экономического и тем более социального неравенства людей.